

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Последняя мольба

В тот южный ранний вечер палящий зной хотя и шёл на спад, но был ещё довольно силён, дышалось с трудом. Но, как обычно, в таверне, построенной из дерева в виде открытой с трёх сторон террасы, стоявшей на песчаном берегу живописного залива Эгейского моря так близко к воде, что даже пологие волны чуть ли не плескались у самых каменных ступеней входа, было многолюдно. Заняв свой столик с широким видом на залив, я, за рыбным ужином вот уже много лет не изменяя раз и навсегда заведённому правилу, выпил бокал чудного критского сухого вина. И поспешил от всей души поблагодарить хозяина Косту за вкусно приготовленную на гриле дорадо, похожую на нашего сибирского язя, только с менее крупной, но точь-в-точь такой же серебряной чешуёй.

Коста был одним из тех греков, с которым я познакомился в свой второй приезд на южное море. Кстати, к тому времени он научился вполне сносно говорить по-русски, чтобы как можно удобней и скорей обслуживать всё увеличивавшееся количество туристов из далёкой и такой загадочной для него северной страны с невероятно сильными морозами. Он был примерно одних со мной лет, седовласый, с заметными залысынами на круглой голове, с загоревшим до шоколадного цвета полноватым лицом, на котором светом гостеприимства и жизнелюбия сияла белозубая улыбка.

Одевался он почти всегда в тёмные брюки и заправленную под узкий кожаный ремень светлую рубашку с короткими рукавами. Обувал тщательно начищенные чёрные штиблеты, которые в редких солнечных лучах, проникающих через узкие щели лёгкой тёмной кровли, тускло отливали тёмным светом. Я уже хотел попрощаться с ним до завтра, но, как это часто случалось и прежде, у нас завязался нехитрый, ни к чему не обязывающий, можно сказать, чисто бытабельский курортный разговор.

— Иван, ты и сегодня с утра пораньше тоже в заливе плавал? — с интересом, по-доброму, хитровато улыбаясь, спросил он.

— Иначе и быть не может!.. Ведь я для этого на море и прилетел!

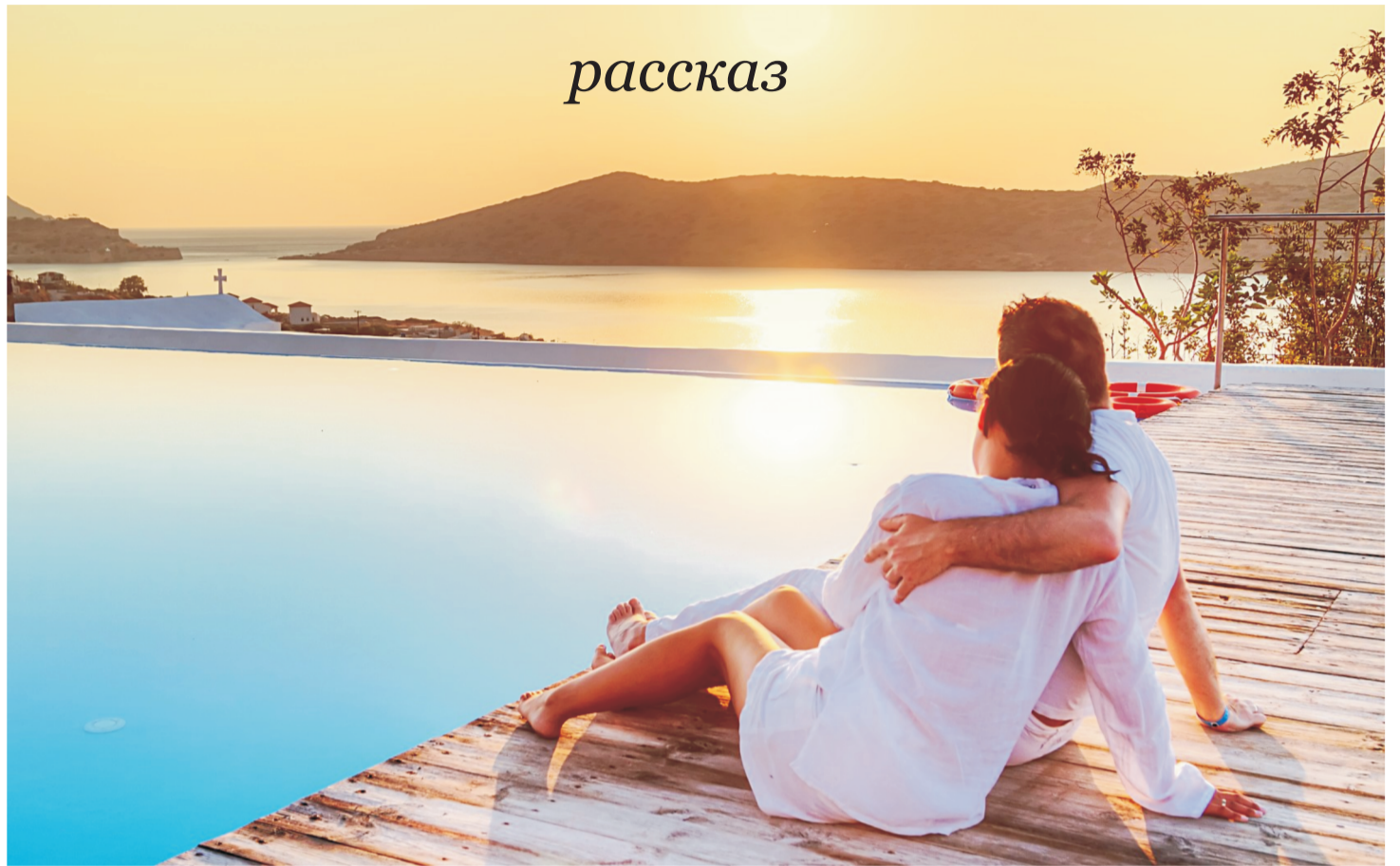
— А рекорд, на который нацелился и о котором мне в самом начале отдыха как-то рассказывал, в этот раз удалось побить?

— К сожалению, нет! Сам видишь что сегодня, в это воскресенье, творится на муниципальном пляже — яблоку негде упасть, столько съехалось со всех близлежащих сёл и деревень да и, наверно, из самого Ираклиона, народу! То же самое происходит и в прибрежных водах. А добавь к этому ещё и парусные яхты, моторные лодки, стоящие на якорях в огромном количестве — как никогда, то получается, что по-настоящему и плавать-то негде! Разве что в самом конце залива, но и там молодые туристы на водных мотоциклах, как угорелье, туда-суда носятся! Только и смотри, чтоб не налетели!.. Ведь вмиг голову форштевнем проломит — и поминай, как звали!.. А я люблю плавать без оглядки, когда ничто не отрывает от созерцания, пусть даже через очки, но однозначно захватывающего подводного мира, щедро наполненного рыбной жизнью... Это меня настолько одно-временно и успокаивает, и вдохновляет, что порой кажется: плыл бы себе и плыл!.. Но всё равно свою ежедневную дистанцию в добрых два километра я отмахал! Причём, до сладкого звона в натренированных мышцах всего тела... Красота! Скрывать не буду, немного устал, но вновь получил такое удовольствие, что хоть во весь голос пой!

— Ну и молодец! А я, видать, стареть стал!..

— Что так?

— Да всё больше после обеда в сон

рассказ

клонит. И я сплю!

И, сложив пухлые потные ладони, прижав их к правой стороне лица, виновато улыбаясь, Коста показал, как он это ежедневно делает.

— Ну и отдыхай, пока возможность есть, ведь каждый делает то, чего ему не хватает, — подбодрил я его. — Да и потом шестьдесят лет, — это разве возраст, чтобы о старости думать! О милых женщинах — в полной мере! Причём, с надеждой на ответную любовь! Да не смотри на меня так вопросительно строго! Именно на любовь — единственную силу, во все времена, в любые годы удивительно прекрасную, вдохновляющую наши седые сердца не менее, чем в молодости! Верь не верь, но мне сегодня даже как-то странно вспоминать о звонкой юности, когда мужчина всего в сорок лет казался чуть ли не до конца прожившим жизнь. А теперь, когда самому в полтора раза больше годов, я себя, в первую очередь духовно, да и физически чувствую пылким молодым человеком. Видать, точно бес в ребро ударил!.. Вот и ладно, и добро! Правильно я говорю, уважаемый? — и сам тотчас ответил: — Правильно! Так что не вешай носа! Ладно, в другой раз ещё на эту тему поговорим. А сейчас мне, извини, на вечернюю прогулку, которую ещё утром запланировал, надо поспешать!

— Иван, подожди немного! У меня к тебе неожиданно вопрос личный возник, надеюсь, в ответе на него не откажешь?

— Думаю, да! Задавай!

Коста как-то лукаво посмотрел в мои сощуренные от солнца глаза, иронично улыбнулся и, заговорщически понизив голос, произнёс:

— А что же ты, Иван, такой пылкий, такой справный да ладный, до сих пор вместе с женой на курорт приезжаешь, а?

— Что правда, то правда! Но, понимаешь, я принадлежу к однолюбам, причём, самым убеждённо стойким! Но при этом никогда не посмею отказать себе в удовольствии полюбоваться или даже восхититься чужой женской красотой! Как писателю это мне крайне необходимо, чтобы постоянно находиться в возвышенном расположении духа, быть исполненным животворных сил и душевного полёта! Любопытство твоё удовлетворил?

— Вроде да!

— Ну, тогда до завтра!

И, крепко пожав Косте руку, я отправился в сторону божьего храма. Он, возведённый из ровно обтёсанных камней, с двускатной крышей, крытой светло-коричневой черепицей, с узкими проёмами, больше походившими на крепостные бойницы, чем на церковные окна, одиноко стоял на небольшой скальной площадке в узкой, неглубокой расщелине древних гор, похожих на египетские пирамиды.

Всякий раз, если я даже не заходил в просторный зал, где ежедневно в священном покое творятся молитвы, поставить свечи за здоровье живущих и за упокой ушедших в мир иной, мою беспокойную душу охватывал священный трепет, — и я спешно трёхкратно крестился, вознеся взор к небосводу...

За храмом на пологих склонах, протянувшихся вверх до самых вершинных гранитных скал, словно пристально озирающие, как древние часовые, ближние и дальние окрестности, несмотря на беспощадный ежедневный сухой зной, вовсю зеленели ещё в начале мая вдохновенно отцветшие оливковые рощицы. Между деревьев с уже вовсю наливающимися плодами, в тених, падающих от их шарообразных густых крон, беззвучно порхали многочисленные бабочки с бархатными крылышками, как у нас в России, своим разнообразием и ярким окрасом радуя взор.

Если напряжённо прислушаться, то за звончатым неутомным шумом ветра, весь день порывисто и сильно дующим с белогривого волнистого моря, можно было на вдохновенную радость душе услышать в кронах олив тонкие голоса разных птиц. К сожалению, я не знал, как зовут их, а то бы, словно на родном севере, в залитой световыми лучами берёзовой роще, то и дело восклицал: «Это свистят красногрудки с чижками! Это запел чёрный дрозд! А это сам, его лесное величество, соловей выдаёт такие звонкие коленца, словно в уши золото сыпет и сыпет!».

Но и без этого знакомое по звуковому выражению птичьё тёплое воркование и весёлое щебетание, наполняли всё моё

существо до самых краёв ярким сияющим светом любви к жизни, вообще ко всему, что так дорого человеку, без чего земное бытие в значительной мере теряет для него всякий смысл... И я с откровенной радостью, словно впервые за долгие-долгие годы, внимал невидимым, тем не менее заветно милым, певучим птахам, шаг за шагом упрямо восходя по каменной извилистой, напрочь пустынной дороге к крутому перевалу. Там, на тысячеметровой высоте, под пронзительно синим небом с пикообразной вершины широко открывался величественный живописный вид на морской простор с напряжёнными, как упругие крылья белоснежных чаек в полёте, косыми парусами прогулочных яхт.

Но в этот раз мне хотелось любоваться не менее величественным, не менее захватывающим, словно окатывающим гривастой прибойной волной душу — аж до ликующего восторга — огненным зрелищем: солнечным заходом. Тем более, в народе говорят, что он для человека очень даже полезен, ибо при долгом, пристальном взгляде на его яркое золотисто-малиновое пламя каким-то чудодейственным образом укрепляется нервная система. А она у меня изрядно расшаталась от бесконечных жестоких, по силе не уступающих судьбоносным ударам, прежде всего, психологического плана. В ответ только и можно тяжело вздохнуть да с глубокой грустью, мысленно обращаясь к знакомым людям, страстно промолвить: «Не приведи Господь пережить такое другому...».

За оливковыми рощицами начинались посадки виноградников с уже налившимися, можно сказать, дозревающими, настолько прозрачными, что казались святающимися изнутри золотисто-матовым светом, большими гроздьями, так сильно отягощёнными упругие ветви с зелёными листьями, что они дугой сгибались чуть ли не до самой земли. От лоз стелились короткие коричневые тени, достаточно защищающие от солнечного выгорания низкорослую, густую, жёсткую траву, в которой, скрытые от глаз, стрекотали упругие кузнечики, сновали вездесущие мыши.

Вдруг, едва преодолев ещё один ло-